сыграли свой тысячу первый концерт

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ

ФОТО АНДРЕЯ СЕРЕБРЯКОВА

Потом начались ответы на вопросы. Один из педагогов спрашивает: «Сколько нужно в день заниматься на скрипке?» Я отвечаю: «Как можно меньше». Но это был «непопулярный» ответ, поэтому пришлось пояснить, что в результате занятий нужно чего-то добиться, значит, лучше заниматься концентрацией, а не просто стоять часами с инструментом в руках. Педагоги успокоились. В конце построились, чтобы сделать общую фотографию, и в это время из зала раздалось: «Сережа! Не ковыряйся в носу!» Рядом со мной стоит этот шестилетний Сережа, а замечание ему делает его педагог по скрипке. Мелочь, казалось бы, но педагоги там просто фанаты, они уделяют внимание этим детям, как мамы. Фантастика какая-то! И это все у нас в России, оказывается, есть.

В общем, я там получил массу удовольствия! Причем, когда я уезжал, мэр города вышел на сцену и вручил мне какой-то их городской орден. А я в ответной речи сказал, что школу моего имени неплохо бы отремонтировать, потому что вид у здания, на котором появилась шикарная табличка с золотыми буквами, катастрофический. Мэр пообещал, что они обязательно «вставят» этот вопрос в бюджет и займутся ремонтом…

И вот прошел год. Мы во время юбилейного тура вновь побывали в Новокуйбышевске. Мэр теперь уже не мэр, а вице-губернатор. Но когда в нынешний приезд я попросил проехать мимо здания музыкальной школы, у меня был просто шок. В школе сделали евроремонт – поставили новые стекла, новые двери. Все прекрасно, но стало еще ужаснее. Потому что вся улица осталась прежней – такой же, какой до этого была школа. Она, вся такая игрушечная, стоит среди этой разрухи.

Теперь жители хотят сделать меня почетным строителем, чтобы я вел переговоры с властями о реконструкциях и ремонтах. В этот раз я сказал им, что у них очень неудобный перрон на вокзале – от него нужно очень далеко идти по холоду, и поэтому я простудился (что правда). Они, похоже, к этому тоже отнеслись очень серьезно.

Но вот что нам точно удалось сделать на этот раз: я попробовал рояли и пианино в музыкальной школе – они все оказались очень старыми и в плохом состоянии. И мы тут же «раскрутили» власти на пять новых инструментов. Думаю, они и тут выполнят свои обещания.

Кстати, позже в Ярославле один из журналистов спросил меня, что делать, чтобы вернуть молодежь к классической музыке, дескать, сегодня ведь уже не преподают, как раньше. И я ответил ему: «Кто вам это сказал?..» Потому что как раз находился под впечатлением от увиденного в Новокуйбышевске, а он, наверное, о том, как у нас все плохо, где-то прочитал…

Так что, в каждом городе есть что-то свое. И еще многое впереди… В вашем городе я ничего, кроме вокзала, увидеть пока не успел, но он уже запомнится мне как город, в котором состоялся наш 1001-й концерт за 15 лет.

Имя должно украшать награду

ТЕМА. Количество наград, осеняющих ныне имя Юрия Башмета, не поддается перечислению. Список этот из года в год увеличивается, хотя сам маэстро предпочитает не вносить их в афиши своих концертов. Чтобы не отвлекали внимания слушателя.

ИМПРОВИЗАЦИЯ ТРЕТЬЯ. Что касается наград, не буду кривляться, но это очень приятно, особенно, когда тебе присуждают что-то, о чем ты даже не знаешь. Вот только что мне позвонил какой-то генерал из Италии и поздравил с присуждением какого-то их ордена Петра Великого. Говорят, он считается у них высшей общественной наградой. И я опять обрадовался. Хотя, конечно, самое большое счастье – это не ордена, а когда во время репетиции вдруг понимаешь, что еще не «получилось», но уже «получается». Вот это момент в работе потрясающий! А ордена – это уже выражение публикой любви к нашему оркестру. Я так понимаю.

Кстати, лет шесть-семь назад Валерия Гергиева выдвигали на очередную Государственную премию. И я помню, как встал один из музыкантов, входивших в комиссию, и начал доказывать всем, что этого делать не нужно, потому что и в прошлом году Гергиев ее получал, и теперь его выдвигают – почему такая несправедливость. И вот тут я не выдержал, поскольку мы с Валерой еще и друзья, и по-джигитски объяснил: потому, что у вас премьер такого качества, как у Гергиева, нет вообще, а он их создает в сезон две-три. И вывозит свои спектакли за границу и прославляет страну. И дает работу артистам и удовольствие слушателям. Сама фамилия Гергиева украшает эту Государственную премию! Поэтому те, кто ее вручает, должны присуждать награды именно таким людям…

Шнитке на бис

ТЕМА. Музыкальной заставкой к авторской программе Юрия Башмета «Вокзал мечты» стал один из фрагментов альтового концерта Альфреда Шнитке. Именно эту тему российское телевидение долгое время «эксплуатировало» в эфире по разным поводам: отмечая ли юбилеи, скорбя ли в связи с государственным трауром по погибшим, транслируя ли вручение наград в Кремле. Вот тогда и родилась мысль сделать эту тему «шапкой» для телепередачи, чтобы положить конец несправедливой музыкальной «девальвации»

ИМПРОВИЗАЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. Музыка Шнитке занимает в моем творчестве огромное место. Думаю, если сегодня на концерте будет соответствующее настроение, «нетипичный», но потрясающий «маленький» Шнитке прозвучит на бис. Мы не были с ним дружны настолько, чтобы неожиданно приехать пообщаться друг с другом. Но души у нас были родственными. Он даже когда-то в одном телевизионном интервью очень лестно обо мне отозвался, сказав, что может разрешить Башмету вообще не выполнять его указания в нотах. Потому что уверен, что я не искажу смысла написанного. Еще одним таким человеком был для него пианист Гидон Кремер…

Вообще, я завидовал Альфреду во многом. Он говорил очень умно и лаконично. У него было потрясающее чувство юмора. Если было очень смешно, он мог упасть от смеха на пол и валяться там в слезах. После первого, очень тяжелого его инсульта, я привез из Амстердама запись премьеры альтового концерта, на которой он не мог присутствовать. Там было записано три исполнения мною одного произведения. И когда Альфред услышал третий вариант, он свалился на пол, смеясь от счастья. Потому что, по его мнению, именно так надо было играть этот концерт: с иронией, несколько вульгарно даже. Потому что одним из убеждений Альфреда было движение в музыке «через красоту – к трагедии». Он говорил: «Это нужно играть так красиво, так красиво, чтоб приторно было…» Хотя, честно говоря, позже я не всегда исполнял этот концерт именно в таком ключе…

Гениальная пара

ТЕМА. Альт, с которым вот уже 35 лет Юрий Башмет выходит на сцену, в следующем году отметит свое 250-летие. Я не ошиблась, сказав «отметит», ибо инструмент этот работы итальянца Паоло Тесторе является для музыканта живым существом.

ИМПРОВИЗАЦИЯ ПЯТАЯ. Знаете, есть в Москве один замечательный музыковед. Он был очень близок к Шостаковичу. И Шостакович однажды где-то «наверху» попросил, чтобы этому человеку дали московскую прописку. А когда тот пришел, наконец, получать документ в районное отделение милиции, там сидел лейтенант, который спросил, что означает в анкете запись «гор. еврей» – горский еврей, городской еврей?.. На что этот музыковед ответил: «Нет, гордый еврей. Так вот, альт у меня гордый – он может обидеться, но не по мелочам. Он сильный, он полон здоровья. Но самое главное его профессиональное качество – способность «пробивать» пространство зала. А, кроме того, он дает возможность выразить самые разные состояния человеческой души. Он умеет отвечать желанию исполнителя. Как сказал мне однажды один гениальный мастер-француз Этьен Ватло (а он очень любит этот мой альт): «Может быть, ты несовершенен и альт твой несовершенен, но вместе вы – гениальная пара. Никогда не меняй его на другой инструмент». Я его и не менял.

В самом звуке альта есть мистика. Он не только может быть красивым, лиричным, трагичным, в нем может пробуждаться холодная философия… Но самое главное то, что альт – не «мужчина» и не «женщина», он космическое существо. В связи с ним у меня всегда возникает ассоциация с полотнами эпохи Возрождения. Там, как правило, на портретах знатных особ в центре сидит сам портретируемый, вокруг обязательно стоят юные пажи, а на заднем плане – горы в тумане. И лица этих юношей настолько красивы, что если их одеть в женское платье, то это будут очень красивые девушки…

А моцартовский альт, кстати, оказался родным братом моего. Это уже мистика – но это факт. Когда я разглядел роспись, оставленную на нем мастером, я был в шоке. Потому что это тоже Паоло Антонио Тесторе, альт тот младше моего на три года, но сделали его те же руки…

Однажды я, прочитав книгу «Альтист Данилов», решил сделать телепередачу, поскольку мне надоело считаться прообразом главного героя. Пригласил автора Владимира Орлова и того, кто действительно был прообразом Данилова – его друга-альтиста. Он работал тогда в Большом театре. Передача получилась очень удачной. Во время нее скрипичный мастер на глазах у зрителей, которые присутствовали в студии, с помощью специального инструмента двигал дужки внутри альтового корпуса. От того, в каком месте находится такая дужка и как она там повернута, во многом зависит звук инструмента. Я играл на альте, мы обсуждали, что лучше, что хуже, ставили какие-то записи. И при этом всю передачу доказывали, что альтист Данилов – не я, а тот, кого пригласили в студию.

Автор рассказал о том, как он начал писать эту повесть. Однажды очень заболела его жена. Он отвез ее в больницу на операцию и спросил, что ей привезти назавтра. Она сказала: «Самым лучшим подарком для меня будет, если ты начнешь писать новую книгу». Он промучился до шести утра – ничего в голову не приходило. И вдруг возникла идея чего-то схожего с булгаковским «Мастером и Маргаритой». В общем, на следующий день он принес в больницу первые странички, а жена сказала, что ждет назавтра продолжения. Так вот и втянулся…

Потом передача заканчивается. Я благодарю ее участников. Повторяю, что вот он прообраз. Вот – писатель. Вот я – не альтист Данилов. Мы прощаемся. И Орлов говорит мне напоследок, что у него есть для меня сувенир – 36-е издание книги, вышедшее на японском языке. Причем когда японцы ее издавали, то спросили, можно ли поместить на обложке портрет Башмета, которого они очень любят. «А поскольку я считаю, что вы тоже альтист Данилов, – добавил Орлов, – то я дал согласие. Вот вам эта книга…»

Как сочинить шедевр

ТЕМА. «Что может отвлечь Юрия Башмета от музыки?» – этот вопрос журналиста компании «Тера-С» Светланы Литовченко оказался последним в программе пресс-конференции. Ответом на него стала

ИМПРОВИЗАЦИЯ ШЕСТАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ. Что может отвлечь меня от музыки? Другая музыка, наверное. Понимаете, есть проекты, к которым я еще даже не подступил. Я еще далеко не все сыграл. У меня ведь есть еще оркестр «Новая Россия» – а это колоссальный пласт симфонической музыки.

Мы в этом году, например, с «Солистами Москвы» исполнили в один вечер все шесть «Бранденбургских» концертов Баха. Дальше хотелось бы сыграть все сюиты Баха. А с «Новой Россией» сыграем все симфонии Шуберта, потом Шостаковича и Чайковского… Причем боюсь, столько не живут, чтобы успеть все это реализовать.

Понимаете, однажды вдруг начинает звучать в голове какая-то тема. Она будет долго мучить и изводить тебя, и ты при этом можешь даже не узнать в ней знаменитое произведение, потому что все это еще не оформилось в сознании. Это как болезнь какая-то! Однажды мне приснилась такая музыка (что случается со мной довольно редко). Я проснулся и наиграл ее. И никто долго не мог узнать, что это такое. Даже начали думать, не сочинил ли я ее сам, хотя музыки я не пишу. Единственный человек, который, помучившись часа два, все-таки вспомнил, что это такое, сказал мне так: «Поздравляю, старик, ты сочинил «Реквием» Моцарта!» Этим человеком был Мстислав Ростропович.

Постскриптум

Нет смысла описывать словами 1001-й концерт «Солистов Москвы», состоявшийся в Магнитке. Такого переаншлага зал драматического театра не видел очень давно! И обещание свое насчет исполнения «нестандартного» Шнитке маэстро сдержал, объявив на бис польку для альта и струнных, написанную к одному из спектаклей Театра на Таганке. Аплодировали и бисировали в этот вечер много и долго. Иногда аплодисменты эти оказывались даже лишними, когда звучали, скажем, в промежутках между частями концертов Баха и Моцарта. Ну не принято «захлопывать» такие паузы, не принято! Ибо перерыв между частями произведения есть часть самого произведения, позволяющая исполнителю настроиться на продолжение, а слушателю перевести дыхание. Юрий Башмет, правда, реагирует на подобное «невежество» куда лояльней художественного руководителя ГАСО им. Светланова Марка Горенштейна, который, будучи на гастролях в Магнитке и услышав во время концерта неуместные хлопки, просто грозно глянул в зал и тем самым успокоил восторженную публику на весь оставшийся вечер. Впрочем, я не намерена читать здесь нравоучение. Просто пауза в музыке несет в себе подчас колоссальный подтекст, смысл и значение которого может уловить лишь тот, кто умеет слушать и услышать не только слово, но и гениальную тишину…

ВЕРА ЗАСПИЧ.